

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

Русская Мысль и Вестник Европы—январь.
Миръ Божій и Жизнь—январь, февраль).

Три большихъ беллетристическихъ произведенийъ съ совершенно аналогичнымъ содержаниемъ—такова та особенность беллетристического отдѣла разсматриваемыхъ книжекъ нашихъ толстыхъ журналовъ, которая не можетъ не остановить на себѣ вниманіе читателей. Та-же среда, тѣ-же вопросы, волнующіе авторовъ и ихъ героевъ, то-же общественное настроеніе проникаетъ всѣ три произведенія.

Стало быть сама жизнь выдвигаетъ эти вопросы, создаетъ одинаковое къ нимъ отношеніе...

Мы имѣемъ въ виду повѣсть „Дома“ (*Русск. мысль*) и романъ „Куда идти?“ (*Вестникъ Евр.*) г. Воборыкина и романъ „Равнодушные“ г. Станюковича въ *Миръ Божій*. Оба романа только еще начаты въ разсматриваемыхъ книжкахъ.

Петербургъ... „Петербургъ безпробуднаго виверства и службизма, дѣльчества и подхалимства, въ самой гнусной его формѣ—въ формѣ *скользящей*, двойственной, на всѣ вкусы и взгляды... Миръ *дыаковъ*,—„г. е. всѣхъ службистовъ, мудрящихъ въ своихъ кабинетахъ надъ русской землей“ и воротилъ—„участниковъ въ свалкѣ дутыхъ цѣнностей и азартной игры на нихъ“... Герои и куміры здѣсь: Тихвинцевъ—„сирь, безшабашный службистъ, родъ высшаго bravo, который кого угодно зарѣжетъ, повѣситъ или закопаетъ въ яму за приличное вознагражденіе“... Другой—съ ученою степенью, профессоръ, „совѣститель“, новая разновидность петербургской жизни, честолюбецъ, согласующій свои „научныя“ мысли съ „вѣяніями“ времени... И еще, и еще...

Этотъ миръ и эти герои царятъ въ домѣ Агриппины Дмитріевны Вершицкой.

У нея есть мужъ,—„мужъ-рабъ“, какъ онъ самъ себя величаетъ, „добродѣтельный кислякъ“ съ точки зрѣнія жены и круга ея знакомыхъ—но, впрочемъ, „во многихъ смыслахъ особа“. Когда-то давно, въ молодости—совсѣмъ другое настроеніе. Мечты о каедрѣ, поѣздки за границу... Потомъ женитьба на дѣвицѣ Юрской. „Дочь генеральши, безприданница, очень хорошенькая, воспитывалась въ Дрезденѣ и немного въ Парижѣ, и на модныхъ курсахъ въ Петербургѣ“. Дѣвица Юрская быстро ориентируется въ положеніи, скоро овладѣваетъ „сложной механикой самаго хищнаго карьеризма, подхалимства, тщеславія“ и... выводитъ мужа „въ люди“. Семья какихъ много: положеніе въ свѣтѣ, связи, матеріальное довольство („сама“, пользуясь совѣтами своихъ ухаживателей—дѣльцовъ, поигрываетъ на биржѣ.)

Но у Вершицкаго еще не совсѣмъ заглохли стремленія молодости. „Съ духовныхъ глазъ“ его спали „струщя“.. Между имъ и женой—пропасть. Въ семьѣ развратъ, цинизмъ, который внесенъ туда окружающей бюрократически-дѣлецкой атмосферой. И въ такомъ обществѣ—дѣти. Дѣвочка Нетти—уже вторая мать. Сынъ—юноша, гимназистъ Стена, смотритъ на окружающее глазами отца. Но, Боже, сколько мрачныхъ складокъ отложить въ его душѣ эта жизнь, если онъ когда-нибудь изъ нея выйдетъ, сколько поу-

бавить силъ.. Что дѣлать? „Куда идти?“ Бѣжать! Скорѣе бѣжать! Но, кажется, уже поздно: герой уже обезсилѣлъ, его „уже отравила“ долгая инертность.. И, должно быть, не избытъ Вершицкому своей „семейной страды“, не вырваться изъ дѣйствительно душной атмосферы, не избавиться отъ цѣпей Агриппины Дмитріевны, когда то позолоченныхъ обаяніемъ красиваго женскаго тѣла, а теперь давящихъ на умъ и сердце стараго интеллигента во всей ихъ неприглядной наготѣ.

Вотъ что дѣлается „дома“.

Весьма возможно, впрочемъ, что „семья“, „семейная жизнь“ трещитъ по всѣмъ швамъ въ кругахъ, гораздо болѣе широкихъ, нежели тѣ, о которыхъ мы только что говорили.

Русская „fürstliche Familie“ на иностранныхъ водахъ. Во главѣ семьи жена,—„уровновѣшенное созданіе съ крѣпчайшими нервами, богатымъ тѣломъ, привычкой и умѣньемъ властвовать“, какъ опредѣляетъ ее повсѣмъ правиламъ науки психіатръ Мѣдниковъ, „одинъ изъ видныхъ профессоровъ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ“, вызванный княгиней съ спеціальной цѣлью, при посредствѣ ученаго авторитета, отдать подѣ opiekу мужа, князя Елабужскаго. Прошлое князя мы отлично знаемъ отъ того же психіатра. Воспитаніе, развившее сантиментальную чувственность. Формальный, слишкомъ стѣснительный надзоръ. Вліяніе идей и вѣрованій матери, нервной и мистически настроенной женщины. Потомъ внезапно полная воля, огромное состояніе. Исканіе, если не подвиговъ, то сильныхъ ощущеній. Дальнія поѣздки по экзотическимъ странамъ и на войну. Бурный кутежъ. Неистовые любовные эксцессы. Потомъ поиски духовной истины, увлеченіе разными книжками, доктринами, спиритизмомъ, буддизмомъ, писаніе всякихъ брошюръ, исповѣдей, стиховъ даже видѣній. Наконецъ, Толстой, Шопенгауеръ и Ницше. Княгинѣ мужъ мѣшаетъ устроить судьбу дѣтей послѣ смерти богатой тетушки своими ѣдкими, эксцентрическими выходками въ присутствіи боящейся смерти старухи противъ „тѣхъ жалкихъ людей, что цѣпляются за жалкую жизнь“. Надо объявить его сумасшедшимъ. Дѣти стоятъ заботъ княгини: старшій сынъ и дочь здоровые уравновѣшенные спортсмены, занятые своими тѣлами болѣе, чѣмъ душой, лелѣющие въ себѣ „*superuomini*“. Только младшій, Борисъ, не подѣ мать семью: нервный, стремящійся къ знанію, быть можетъ, съ зародышами отцовскаго „распада душевныхъ силъ“, онъ тяготеетъ семьей и весь на сторонѣ отца,—этого „юродивенькаго“ въ семьѣ...

Читатель знакомится съ дѣйствующими лицами романа „Куда идти“: все это варьянты на знакомую уже тему. Не будь у княжны огромнаго состоянія, она съ успѣхомъ вела бы линію Агриппины Дмитріевны, а безвольный князь Елабужскій, присутствіе котораго звучитъ такимъ диссонансомъ въ семьѣ, тотъ-же жалкій Вершинскій; только протестъ перваго противъ пошлости его семейной жизни, развивается болѣе на патологической почвѣ и носитъ болѣе общій характеръ, да и происхожденія онъ болѣе отвлеченнаго научно-литературнаго (Шопенгауеръ, Ницше). Вершинскій здоровѣе князя, врагъ его—ничто болѣе опре-

дѣленное: быть можетъ, благодаря другимъ общественнымъ вліяніямъ, испытаннымъ въ молодости, онъ чувствуетъ, что есть иная жизнь; онъ не такой отвлеченный пессимистъ, какъ князь, а просто-на-просто не умѣетъ и не можетъ по инерціи выйти изъ заколдованнаго круга, въ которомъ держитъ его жизнь.

То же самое явленіе встрѣтитъ читатель и въ романѣ „Равнодушные“ Станюковича. Немножко побольше людей, много больше разврата, самаго голаго разврата. Бывшій „интеллигентъ“, неудавшійся литераторъ, а нынѣ служащій въ желѣзнодорожномъ правленіи съ приличнымъ окладомъ Ордыщевъ,— тотъ уже прямо, грубо, и откровенно „ругается“ съ своей женой, „еле удерживаясь отъ желанія схватить свою подругу жизни за горло“. Его жена, тянущаяся въ „свѣтъ“, состоитъ въ связи съ крупнымъ банкиромъ Козельскимъ, получая съ него 200 руб. въ мѣсяць „на булавки“. А Козельскій весь поглощенъ заботой, какъ бы черезъ одну свою дочь, замужнюю Инну, провести какой-то проектъ, судьба котораго зависитъ отъ увлеченнаго Инной чиновника Никодимцева, а черезъ другую, Тину, поправить свое состояніе, продавъ ее на законномъ основаніи миллионеру Гобзину. Въ гостиной Козельскихъ „на вторникъ“ собрались все тѣ же лица, которыя по пятницамъ посѣщаютъ Агриппину Дмитріевну. Только у Козельскихъ какъ-то больше похотливости, больше голыхъ тѣлъ и масляныхъ глазъ и меньше дѣловитости, чѣмъ у Агриппины Дмитріевны.

Разница не велика, какъ видитъ читатель.

Нельзя сказать, чтобы выборъ темы во всѣхъ разсмотрѣнныхъ произведеніяхъ не отразился на манерѣ письма: сѣрыя краски, тусклые тоны,—колоритъ картины соответствуетъ ея содержанію. Вотъ почему читатель долженъ отдохнуть на прелестной новеллѣ Элизы Оржешко: „Моментъ“—это чистая жемчужина на общемъ безцвѣтномъ фонѣ. Масса свѣта и воздуха, поэтическая картина природы, яркій языкъ, много живого вдохновенія. Въ маленькое, затерявшееся среди полей грязное мѣстечко (гдѣ-нибудь въ юго-западномъ краѣ Россіи), въ которомъ, словно въ муравейникѣ, копошится еврейское населеніе съ его горемъ и заботами, попадаетъ великая, прославленная артистка по дорогѣ въ свое помѣстье, куда уноситъ она отъ людей свое горе, свое разбитое, израненное сердце. Посѣтившія ее сновидѣнія среди чудной лунной ночи вдохновляютъ ее. И она поетъ. Сперва ея пѣснь полна угрозы, мщенія, непримиримаго страданія. Потомъ это—пѣснь безконечной грусти, глубокой, человѣческой скорби. Еще минута, и— съ земли къ небу раздается могучая мольба объ исцѣленіи всѣхъ ранъ, о прощеніи всѣхъ прегрѣшеній, о просвѣщеніи темныхъ, о надеждѣ для отчаявшихся, о защитѣ угнетенныхъ... Вдохновенная пѣснь подчинила себя и очаровала все живое населеніе мѣстечка и даже бѣдный, тащившій огромный мѣшокъ съ картофелемъ ребенокъ,— „этотъ маленький символъ человѣчества“, „сбросилъ съ своихъ плечъ непосильную ношу, пересталъ на время чувствовать, что плечи его болятъ, прислонился спиною къ полусгнившему плетню, поднялъ свое блѣдное лицо, по которому блуждалъ лучъ мѣсяца, улыбнулся и сталъ прислушиваться къ пѣснѣ“...

Переходимъ къ *Глетнику Героны*. „Хозяинъ“, переводная повѣсть В. Ф. Паленца изъ крестьянскаго быта восточной Германіи полна глубокаго интереса. Печальная, исполненная скрытаго драматизма жизнь „крѣпкаго землѣ“ крестьянина изображена правдивыми и яркими штрихами. И сколько аналогій съ нашими, русскими условіями! Постоянная суровая борьба съ природой, съ нуждой, изо-дня въ день стучающаяся въ окно... Неурожай, градобитіе, падежъ скота... Постоянное подпаденіе подъ власть денегъ: задолженность, первая закладная, вторая закладная, проценты... Мы присутствуемъ почти при агоніи... Но есть и разница. За мрачной, суровой фигурой Траугота Бютнера видится традиція, чувствуются цѣлыя поколѣнія культурной жизни. Жизнь выработала здѣсь свой рыцарскій кодексъ *своей крестьянской чести*. Вотъ какъ отвѣчаетъ Бютнеръ на предложеніе сосѣдняго графскаго управляющаго, полковника Шрофа, продать землю. „Старикъ измѣнился въ лицѣ. Онъ выпрямился во весь свой статный ростъ, сильнымъ движеніемъ протянулъ свою костлявую руку и гнѣвно воскликнулъ: Видите эту кучу отбросовъ? Скорѣй соглашусь лежать на ней и гнить заживо, чѣмъ отдамъ вашему графу *мое родное имъздо*“. Пусть только не забываетъ читатель, что такое психика держащагося за землю крестьянина—хозяина. Въ иномъ свѣтѣ предсталъ бы, конечно, передъ нами земледѣлецъ—рабочій—батракъ современной Пруссіи.

Въ повѣсти „Аргонавты“. Э. Оржешко съ свойственной ей мягкой манерой письма выводитъ передъ нами семью нѣкоего Дарвида, миллионера, крупнаго спекулянта. Это гениальный представитель современныхъ „аргонавтовъ“, „настоящихъ рыцарей нынѣшняго свѣта, новѣйшихъ Сидовъ, Дюкленовъ, Баардовъ“. Любопытно, что не смотря на иную тему, совершенно аналогичную съ темой разсказовъ г.г. Станюковича и Боборыкина, обычная яркость, красота и свѣжесть впечатлѣнія не оставляютъ автора. Мы еще вернемся впоследствии къ этому интересному произведенію.

Изъ переводной беллетристики *Мира Божія* въ первыхъ двухъ книжкахъ помѣщено два незначительные разсказика Аллена Уайта: любопытный по темѣ разсказъ Киплинга „На голодѣ“ (группа англичанъ въ Индіи, энергично работающихъ среди голодающаго туземнаго населенія) и начало романа Трэвэра „Студентка“. Изъ оригинальныхъ произведеній отмѣтимъ прелестную жанровую картинку „Ночная смѣна“ Куприна (казарменный бытъ солдатъ; молодой солдатикъ Меркуловъ засыпаетъ на ночномъ дежурствѣ, погруженный въ мечты о роди-нѣ) и интересныя полубеллетристическіе очерки „Карандашемъ съ натуры“, изъ путешествія вокругъ свѣта черезъ Корею и Манджурію“ Н. Гарина.

Подробнѣе остановимся мы на произведеніяхъ писателя, имя котораго всего нѣсколько лѣтъ назадъ появилось въ нашей „большой“ прессѣ и который тѣмъ не менѣе уже успѣлъ занять въ нашей литературѣ видное положеніе, благодаря свѣжести и оригинальности своего дарованія и любопытному выбору темъ.

Мы имѣемъ въ виду Максима Горькаго.

„Кайнъ и Артемій“—таково заглавіе его

новаго разсказа, помѣщеннаго въ *„Ирѣ Го- жемь“*. Дѣйствіе происходитъ на „Шиханѣ“, необходимой принадлежности всякаго большаго города,—мѣстности, гдѣ „отложила- ся“ (именно „отложила- ся“,—подъ вліяніемъ какихъ-то стихійныхъ силъ) городская голь и рвань—разныя „бывшія“, „забракованныя“ люди. Мастерскими и тонкими штрихами рисуетъ авторъ внѣшній видъ Шихана, бьющую въ немъ ключемъ, но не всѣмъ замѣтную жизнь, міръ звуковъ, наполняющихъ и характеризующихъ это предмѣстье...

Героемъ и деспотомъ Шихана былъ красавецъ-колоссъ, силачъ Артемъ, гроза мужчинъ, радость женщинъ Шихана, раньше крочникъ-промзинецъ, теперь—любимецъ торговцевъ цѣльменами, лавочницъ,—легкое занятіе, которымъ онъ жилъ... Равнодушный ко всему, лѣнивый, массивный, онъ цѣлые дни проводилъ на солнечномъ припежѣ. Товарищескія чувства, общительность въ немъ не были развиты. Къ людямъ онъ относился презрительно... Быть можетъ это было презрѣніе атлета... А быть можетъ „онъ чувствовалъ, что эти люди во многомъ хуже его, хотя и во всемъ и всегда умнѣ“. Противъ города и порядковъ городской жизни въ немъ таилась скрытый протестъ,—иногда бурно вырвавшийся наружу,—протестъ „человѣка полей и лѣсовъ, оторвавшагося отъ своей почвы“, а можетъ быть, „онъ смутно чувствовалъ, что городъ губитъ его, заражая своимъ ядомъ его тѣло и душу“. Онъ не сливался съ городомъ и его обитателями и жилъ одиноко, *терня* городъ, потому что послѣдній его кормилъ... Однажды Артема, пьянаго, избили. Его „выгнали“ еврей Каинъ, всѣми презираемый, оплеванный и оскорбленный на каждомъ шагу Каинъ, мелкій уличный торговецъ на Шиханѣ. Что привело Каина къ Артему? Артемъ былъ „меньше другихъ виновать передъ нимъ“. Онъ презиралъ и оскорблялъ Каина не потому, что онъ Каинъ, а такъ же, какъ презиралъ и оскорблялъ другихъ людей. Сыграло здѣсь роль и чисто физическое преклоненіе слабого передъ сильнымъ... Этотъ случай сблизилъ Артема и Каина: Артемъ взялъ еврея „подъ свою руку“. Но дружба не могла продолжаться долго: сблизиться съ Каиномъ значило начать примиреніе съ городомъ. А у Артема какъ разъ особенно сильно поднимались чувства злобы и мщенія своимъ врагамъ. Его стѣснялъ Каинъ. Изъ-за Каина жалѣть другихъ—этого Артемъ не могъ. У него не было нужныхъ для этого чувствъ. Да и самое физическое ничтожество еврея претило гиганту. И Артемъ „отпускаетъ“ отъ себя Каина такъ же, какъ „принялъ“ его раньше подъ свое покровительство.

Вотъ и все. Несложная фабула. Но разсказъ дышетъ жизнью и долженъ доставить глубокое художественное наслажденіе читателю.

Въ первыхъ двухъ книжкахъ *Жизни* изъ разсказовъ Горькаго помѣщены; „Кирилка“, „О чертѣ“, „Еще о чертѣ“ и начата его же повѣсть изъ купческаго быта „Ома Гордѣвъ“. О повѣсти этой, также какъ о другихъ, только что начатыхъ въ *Жизни* беллетристическихъ произведеніяхъ: живыхъ и остроумныхъ очеркахъ Чирикова „Чужестранцы“ (такъ называвшая авторъ кучку интеллигентныхъ, живущую своею

особою жизнью среди совершенно чуждаго имъ населенія большаго губернскаго города), „Записокъ“ Баранцевича, „Концѣ Андрея Ивановича“ Вересаева—мы скажемъ въ слѣдующемъ обзорѣни, когда будетъ напечатана большая часть этихъ работъ. Тогда-же мы поговоримъ и объ общемъ характерѣ беллетристики „Жизни“, выгодно отличающейся отъ беллетристики другихъ журналовъ какъ по выбору темъ, такъ и по общественному настроенію авторовъ. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о трехъ названныхъ выше мелкихъ разсказахъ Горькаго.

Мужиченко Кирилка, на кривыхъ ногахъ, въ рваномъ полушубкѣ—центральная фигура одноименнаго разсказа. Маленькое сморщенное лицо, поросшее рѣдкой сѣрой бородой... Улыбка на тонкихъ темныхъ губахъ—смѣсь почтительности съ насмѣшкой, глупости съ плутовствомъ. „Талантовъ“ у Кирилки по общему признанію много. Спасаетъ шестерыхъ пассажировъ съ сгорѣвшаго парохода, часа четыре кряду рискуя жизнью, и скрылся... Его ищутъ, хотя благодарить, а онъ въ это время воруетъ казенный лѣсъ... Хорошій хозяинъ, скупъ, сноху вогналъ въ гробъ, жена-старуха бьетъ его полѣномъ... пляница и очень богомоленъ, поетъ на клиросѣ... Рядомъ—фигура „земскаго“: „не противникъ просвѣщенія“, но... изъ всѣхъ видовъ его предпочитаетъ порку... „А все-таки ха-аро-шная порка воспитываетъ быстрѣе и стоитъ дешевле... да-съ!“...

Изъ „чертей“ Горькаго одинъ—тотъ чортъ, что встрѣчаетъ человѣка, когда онъ борется среди хаоса тоски и сомнѣній съ тьмою тѣхъ думъ, что охватываютъ душу позднею осенью. „Отъ скуки“ чортъ поднимаетъ изъ могилы умершаго писателя и прогуливается съ нимъ, бесѣдуя, по кладбищу и городу. А писатель—все тотъ-же, что и при жизни, когда онъ „желалъ быть женихомъ на всѣхъ свадьбахъ и покойникомъ на всѣхъ похоронахъ“. И послѣ смерти онъ интересуется жизнью...

Второй чортъ—декадентъ и ницшеанецъ. Онъ красиво и стильно говоритъ о бездушныхъ и презрѣнныхъ людяхъ... Но и онъ приходитъ въ недоумѣніе и ужасъ, когда, встрѣтившись съ „интеллигентомъ“ Иваномъ Ивановичемъ,—человѣкомъ, занятымъ само-созерцаніемъ, самоуглубленіемъ и самоусовершенствованіемъ,—въ роли „ассенизатора“ приступаетъ къ извлеченію „страстей“ изъ сердца Ивана Ивановича и знакомится съ ничтожествомъ его содержимаго...

Передъ нами прошелъ длинный рядъ фигуръ, цѣлая вереница явленій современной дѣйствительности... Мысли художниковъ работали надъ тою-же вѣчной задачей изученія жизни, облекая въ художественные образы результаты этого изученія. Отъ успѣшности послѣдняго зависить большая или меньшая степень общественного значенія художественной литературы страны. Задача публицистической критики развертывать передъ читателями картину жизни, какъ она отражается въ современной литературѣ.